

это, что-то говорило, что *она* съ обнаженными руками и пыльными объятіями, — еще *далеко-далеко не все счастье*, — что и любовь къ ней далеко-далеко еще не все благо; и чѣмъ больше смотрѣлъ я на высокій, полный мѣсяць, тѣмъ *истинная красота* и истинное благо казались мнѣ понятнѣе, выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего благого, — и слезы какой-то неудовлетворенной, по волнующей радости наворачивались мнѣ на глаза»... Это тѣ рѣдкія минуты въ жизни нашего героя, когда ему, наконецъ, удастся сознательно и явственно выдѣлить въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ ядро прирожденнаго ему начала, понятіе прирожденной его душѣ этической, *истинной красоты добра*, *) изъ общей массы перепутанныхъ понятій призрачной красоты всего эстетическаго. Но прошла эта минута, исчезъ и «моральный порывъ» и отъ минутнаго «переворота гр. Толстого въ миниатюрѣ» ничего не останется... Такъ, уже въ одной изъ слѣдующихъ главъ, посвященной имъ спеціально понятію «*somme il faut*'ства», онъ рассказываетъ о тѣхъ своихъ страшныхъ усиліяхъ, которыя онъ дѣлалъ, чтобы завоевать себѣ «истинное комилфотство», «понятіе котораго, говоритъ онъ, было въ моей жизни однимъ изъ самыхъ пагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и обществомъ.» «Мое любимое и главное подраздѣленіе людей — говоритъ герой гр. Толстого, — въ то время, о которомъ я пишу, было дѣленіе на людей *somme il faut* и на *somme il ne faut pas*. Второй родъ подраздѣлялся еще на людей собственно не *somme il ne faut pas* и простой народъ. Людей *somme il faut* я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равныя отношенія; вторыхъ ненавидѣлъ, питая къ нимъ какое то оскорбленное чувство личности («для чего ты хочешь говорить, какъ мы,

*) выраженіе «Исповѣди».